Тан Шэнь кивнул. Дворецкий ушел доложить и вскоре вернулся, чтобы впустить гостя.

Перед заморозками всегда зябко, а после снегопада — особенно студено.

На улице было так холодно, что пальцы Тан Шэня посинели. Но стоило ему войти в кабинет, как его встретило тепло: посреди комнаты в резной жаровне тлели угли «серебряная нить». Увидев дрожащего от холода Тан Шэня, Лян Сун усмехнулся и протянул ему ручную грелку:

— Разве тебе не пора в академию? Зачем пришел?

Тан Шэнь взял грелку. Лян Сун жестом пригласил его присесть, и тот послушно устроился на почетном месте.

Лян Сун налил ему чаю:

— Выпей горячего чая.

Тан Шэнь сделал большой глоток, и на душе сразу потеплело, а от грелки в руках согрелось и все тело. Он с обидой в голосе произнес:

— Я пришел навестить вас, учитель. Вы ведь глава управы Гусу. На Новый год вам нужно ехать с отчетом в управу Цзиньлин, и вернетесь вы только к Празднику фонарей. А после возвращения придется заниматься ярмаркой фонарей в управе Гусу. Вот я и соскучился. Как только у вас выдалась свободная минутка, я сразу прибежал. Неужели вы мне не рады?

Лян Сун пристально посмотрел на него и со вздохом сказал:

— Ну и малый. Люди поговаривают, что в Павильоне Чжэньбао и Тереме Сися ты — грозный и властный молодой хозяин Тан. Почему же всякий раз, приходя ко мне, ты начинаешь капризничать и притворяться ребенком?

Тан Шэнь подумал: «Да потому что с вами это работает!»

— Мне ведь всего пятнадцать, я и есть ребенок, — возразил Тан Шэнь.

Лян Сун согласно кивнул:

— Верно, тебе уже пятнадцать. Самое время жениться и обзаводиться детьми.

Тан Шэнь промолчал, а затем воскликнул:

— Учитель, вы надо мной издеваетесь!

Лян Сун громко расхохотался.

Однако, отсмеявшись, Лян Сун посерьезнел:

— Пятнадцать лет… В этом году тебе предстоит сдать провинциальный экзамен. Получишь звание цзюйжэня — и следующей весной отправишься в Шэнцзин на Весенний экзамен. Пятнадцать лет — уже статный благородный муж.

— Насчет статного — это правда, а вот благородный муж… Я вовсе не говорил, что собираюсь им становиться.

— Ступай уже!

— Ой!

— Вернись, — позвал Лян Сун.

Тан Шэнь послушно вернулся.

На этот раз лицо Лян Суна сделалось куда более строгим. Тан Шэнь тоже выпрямился, не смея больше дурачиться.

Лян Сун заговорил:

— Тебе уже пятнадцать, и я, твой учитель, мало чему еще могу тебя научить. На пути знаний я лишь твой проводник, но то, как глубоко ты постигнешь науки, зависит только от тебя. Если ты желаешь лишь получить звание цзюйжэня, то стремиться к большему и не нужно. С тех пор как мы встретились два года назад в деревне Чжаоцзя, пролетело уже две зимы и две весны.

— Учитель, почему вы вдруг заговорили об этом? — удивился Тан Шэнь.

— «Если благородный муж не держит себя с достоинством, то он не внушает уважения, а познания его не будут прочны». Учитель хочет дать тебе второе имя.

— Второе имя? — изумился Тан Шэнь.

В древности мужчины получали второе имя лишь во время обряда совершеннолетия, в двадцать лет. Почему же учитель решил дать его сейчас?

Лян Сун взглянул на него:

— О чем задумался? Ты с самого детства ведешь себя несерьезно. Второе имя дается тебе для того, чтобы ты усердно учился и вел себя достойно. Понимаешь?

Тан Шэнь промолчал, подумав про себя: «Вроде бы я и так неплохо себя веду…»

— Что ты там бормочешь? — прищурился Лян Сун.

— Ничего! Совсем ничего! — поспешно ответил Тан Шэнь.

Задумавшись над именем, Лян Сун размышлял некоторое время, а затем произнес:

— Твое имя — Тан Шэнь. Иероглиф «Шэнь» означает осмотрительность и осторожность в речах и поступках. Как насчет имени Цзиньянь — «осторожный в речах»?

— Тан Цзиньянь? — Тан Шэнь повторил имя про себя пару раз. — По-моему, звучит неплохо.

Лян Сун холодно хмыкнул:

— Боюсь, тебе любое имя покажется неплохим.

Тан Шэнь лишь глуповато улыбнулся.

Впрочем, учитывая ученость и авторитет Лян Суна, тот ни за что не дал бы ему случайное имя. Оно наверняка несло в себе глубокий смысл, так что переживать было не о чем.

— Пусть твоим вторым именем будет Цзинцзэ.

Тан Шэнь опешил:

— Цзинцзэ? А что это означает?

— Ты всегда был осмотрителен в речах и поступках и не совершал глупостей, за это я никогда не беспокоился. А что до имени Цзинцзэ… подумай над этим сам, — ответил Лян Сун.

Тан Шэнь совсем расстроился:

— Ну кто так делает? Дать имя и не объяснить значение! Учитель, это несправедливо!

— Сам недоучка, не можешь понять очевидного, а винишь учителя?

— Вы снова надо мной издеваетесь!

Лян Сун со смехом прикрикнул:

— Ступай уже!

Тан Шэнь фыркнул и повернулся, чтобы уйти. Ему и в самом деле пора было на занятия в академию.

Когда он дошел до дверей кабинета, Лян Сун спросил:

— Кстати, кто сегодня ведет занятия в Академии Цзыян?

Тан Шэнь обернулся:

— Кажется, наставник Цянь, Цянь Синянь.

— Наставник Цянь — знаток канона «Чуньцю», тебе стоит слушать его внимательнее, — заметил Лян Сун.

— Но ведь во всей управе Гусу главный знаток «Чуньцю» — это мой учитель, разве нет?

Лян Сун усмехнулся:

— Подхалим!

Тан Шэнь ухмыльнулся, подумав: «Как будто вам не нравится мое подхалимство!»

Выпив горячего чая в поместье Лян и согрев руки о грелку, Тан Шэнь больше не чувствовал холода. По дороге он без конца размышлял: «Что же все-таки означает Цзинцзэ? Учитель никогда ничего не делает просто так, у этого имени точно есть скрытый смысл. Цзинцзэ, Цзинцзэ… Что же это значит?»

Придя в Академию Цзыян, он застал Сунь Юэ за чтением комментария «Гунъян чжуань» — тот перечитывал его раз за разом.

Тан Шэнь сел рядом с ним:

— Говорят, к экзаменам готовятся в последнюю ночь, но ты, Сунь Юэ, взялся за ум рановато. До экзаменов ведь еще целых восемь месяцев.

Сунь Юэ раздраженно буркнул:

— Я тебе не трижды первый Тан. Если я хочу в следующем году получить звание цзюйжэня, мне нужно из кожи вон лезть. Нам наконец-то удалось заранее разузнать, кто будет экзаменатором, и глупо этим не воспользоваться. Готов поспорить, Ученый Ло выберет тему как раз из «Гунъян чжуань».

— Сунь Юэ, о каком Ученом Ло ты говоришь?

Тан Шэнь и Сунь Юэ одновременно подняли головы. Заговорил один сюцай, происходивший из старинного рода ученых. Обернувшись к ним, он со вздохом произнес:

— В прошлом году мы все твердили, что главным экзаменатором на Осеннем экзамене будет Ученый Ло. И это действительно должно было быть так. Но тебе, Сунь Юэ, больше не стоит читать «Гунъян чжуань». Ученый Ло не сможет принять у нас экзамен.

— Что? Почему это не сможет? То говоришь, что он, то — что не он. Что за чепуха? — спросил Сунь Юэ.

Ученый печально ответил:

— Ты еще не знаешь? Вчера Ученый Ло покончил с собой, перерезав горло! Говорят, это случилось вчера на рассвете в его собственном кабинете, а тело обнаружили лишь к часу Мао.

Глаза Сунь Юэ округлились от изумления:

— Не может быть!

— Покончил с собой? Но почему Ученый Ло сделал это? — вмешался Тан Шэнь.

Сюцай вздохнул:

— А почему же еще? Позавчера глубокой ночью, поговаривают, в тюрьме скончался Великий ученый Чжун! Ученый Ло был его учеником и верным последователем. Но кто мог подумать, что он решит последовать за своим учителем в мир иной?

Сунь Юэ с досадой швырнул «Гунъян чжуань» на стол:

— Я читал этот комментарий два месяца, зазубрил его до зубовного скрежета! А теперь все труды насмарку! Ох, Тан Шэнь, ну почему я такой несчастный? Эй, Тан Шэнь, ты чего? Почему молчишь? Тан Шэнь! Эй, Тан Шэнь!

В этот момент в класс входил наставник Цянь. Тан Шэнь, сорвавшись с места, бросился вон и с силой налетел на него, отчего книги из рук наставника рассыпались по полу.

Наставник Цянь сердито крикнул:

— Это был Тан Шэнь? С каких это пор он смеет сбегать с уроков прямо на глазах у старика?

Сунь Юэ и сам не понимал, что стряслось с другом, поэтому поспешил оправдать его:

— У него дома случилось что-то срочное.

Наставник Цянь лишь недовольно хмыкнул и начал урок.

В лицо дул пронизывающий ледяной ветер, но Тан Шэнь, не обращая на него внимания, со всех ног бежал в своей теплой ватной одежде. Выбежав из ворот Академии Цзыян, он устремился на восток. Повторяя утренние следы на снегу, он добежал до Поместья Лян. Привратник попытался остановить его, сказав, что должен доложить управляющему, но Тан Шэнь яростно зыркнул на него и без лишних слов оттолкнул с дороги, ворвавшись внутрь.

Ошеломленный слуга поспешил на поиски управляющего.

Миновав круглый проход с декоративным камнем Тайшань, Тан Шэнь пробежал мимо заснеженного пруда и галереи. Еще десять шагов — и он оказался во дворе перед кабинетом. Дверь была плотно закрыта. Тан Шэнь уже собирался взбежать по ступеням, когда его догнал запыхавшийся управляющий:

— Молодой господин Тан, что стряслось?

Не отвечая, Тан Шэнь рванулся к дверям и с силой толкнул их.

После снегопада выглянуло солнце, и ослепительный свет, отражаясь от снега, хлынул в комнату. В кабинете не горели светильники, но благодаря снежному отблеску внутри было светло как днем. К потолочной балке была подвешена трехчиовая полоса белого шелка. В жаровне тихо тлели угли «серебряная нить», а на письменном столе лежали подаренные Тан Шэнем письменные принадлежности. На Лян Суне сегодня было одеяние с широкими рукавами. Длинный подол его рукава свисал вниз и слегка покачивался, прикрывая хойчжоускую тушь и тушечницу, которые преподнес ему Тан Шэнь.

Увидев эту ужасающую картину, управляющий в ужасе отпрянул и, спотыкаясь, выбежал на улицу с криками:

— Люди! Сюда, скорее! Помогите!

Рука Тан Шэня скользнула по резной деревянной двери. Он поднял глаза на Лян Суна, и вдруг силы оставили его — он рухнул на пол.

В жаровне с треском переломился прогоревший уголь. Этот тихий звук прозвучал в застывшей комнате оглушительно ясно.

Снег уже прекратился, но ему стало еще холоднее.

В траурном зале высоко висели длинные белые ленты. Стояла глухая зима, и после снегопада на улице трещал мороз, однако в самом зале холода не чувствовалось: здесь стоял несмолкаемый плач, то и дело слышались глухие удары лбов о землю. Когда Тан Шэнь, облаченный в траурные одежды и траурный головной убор, вошел в зал прощания Поместья Лян, его взору предстали безутешно рыдающие слуги и служанки.

http://bllate.org/book/18292/1754473